

Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены

А.Н. Баранов, Л.А. Ерохина

ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук», Москва 119019, Россия

Аннотация. Обсуждаются различия юридического и естественно-языкового понимания категорий «унижение» и «оскорбление». Оскорбление определяется законодателем как вид унижения, выраженный в неприличной форме, что предполагает, что унижение – это родовая категория (более общая), а оскорбление – видовая (частный случай родовой категории). При этом понятие унижения в законе не дается. Показано, что в литературном русском языке значения слов *унижение* и *оскорбление* не сводятся к родовидовому отношению, что в ряде случаев приводит к коллизиям правового характера. Приведены особенности сочетаемости слов *оскорбление* и *унижение* (и соответствующих глаголов, а также других форм того же словообразовательного гнезда), указывающие на существенные отличия в их семантике, что не позволяет рассматривать данные формы как реализацию отношения «род-вид». В частности, рассмотрены агентивные контексты, контексты рефлексива, вербального и невербального действия, силы речевого действия и др. Показано, что понятие социального статуса, которое часто в литературе связывается с категорией *унижения*, не является обязательным свойством актов унижения. Приведена судебная практика по делам об оскорблении, испытывающая очевидное влияние различий юридического и естественно-языкового понимания соответствующих слов и понятийных категорий.

Ключевые слова: унижение, оскорбление, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Баранов А.Н., Ерохина Л.А. Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Том 15. № 1. С. 20–28.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-20-28>

Insult and Humiliation as Language and Law Phenomena

Anatolii N. Baranov, Lyudmila A. Erokhina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Vinogradov Institute), Moscow 119019, Russia

Abstract. The differences between legal and shared understanding of insult and humiliation are discussed. Legislator defines “insult” as a type of humiliation expressed in an indecent form, which assumes that humiliation is a generic category (more general) and insult is a specific category (a case of the generic category). Albeit, there is no definition for “humiliation” in the law. It is shown that in the Russian literary language the meanings of the words “insult” and “humiliation” do not come down to genus-species relation, which in some cases results in legal collisions. The article provides of collocations for the words “insult” and “humiliation” (as well as the corresponding verbs and other forms of the same family of words) given, pointing at essential semantic differences between them, which makes it impossible to consider these forms as implementation of genus-species relation. In particular, the agential contexts, reflexive’s contexts, of verbal and non-verbal action, of verbal action effect and other. It is shown that the concept of social status, which is often associated with the category of “humiliation” in scientific works, in fact, is not a necessary feature of humiliation acts. The judicial practice on cases of insult, which is under the apparent impact of the difference between legal and shared understanding of the words and conceptual categories in question, is given.

Keywords: *humiliation, insult, forensic linguistic analysis*

For citation: Baranov A.N., Erokhina L.A. Insult and Humiliation as Language and Law Phenomena. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 20–28. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-20-28>

Введение

Свобода слова, гарантированная каждому гражданину по Конституции Российской Федерации (ст. 29 Конституции РФ), не отменяет и возможность ее ограничения, причем не только по моральным и этическим основаниям, но и на законодательном уровне. В частности, свобода слова не может нарушать общественный порядок, представлять угрозу государственной безопасности, а также быть препятствием для реализации прав другого человека, в том числе умалять честь и достоинство личности, защита которых также гарантирована Конституцией РФ.

Развитие общественного информационного пространства, расширение сферы публичной коммуникации за счет интернета, появление новых информационных источников (в частности, YouTube-журналистики) – конкурентов традиционных СМИ – приводит к постоянному росту количества дел, связанных с оскорблением, умалением чести и достоинства личности. Тексты и высказывания, предположительно содержащие признаки оскорбления и унижения, приводят к конфликтам, которые пытается разрешить гражданское судопроизводство, опираясь на лингвистические экспертизы, которые зачастую выступают в качестве основного – и часто почти единственного – доказательства по подобным делам (см., например, [1, 2]).

Постановка проблемы

Семантические категории унижения и оскорбления фигурируют как в сфере права, так и в наивном языковом сознании. Соответствующие юридические понятия представлены, в частности, в ст. 282 УК РФ¹ и ст. 20.3.1 КоАП РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего» и ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». С марта в ст. 20.1 КоАП РФ введена часть 3, согласно которой «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети “Интернет”, информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Рос-

сийской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации».

Коллизия между юридически определяемыми и лингвистически определяемыми терминами относится к числу наиболее сложных в лингвистической экспертизе. Юридически определяемые термины представлены в законах и подзаконных актах в виде соответствующих дефиниций. Однако значительная часть терминов, имеющих явно юридическое прочтение, в текстах соответствующих правовых документов определений не имеет. В этих случаях естественно привлекать данные русского литературного языка – авторитетные словари, а также семантический анализ текстов, входящих в представительные корпуса текстов по русскому языку. Такие термины следует относить к лингвистически определяемым.

В целом ряде случаев юридически определяемые термины содержат в своей дефиниции слова, которые не имеют юридического толкования, но их значения в юридическом документе не соответствуют смыслу, который эти слова имеют в русском литературном языке, что порождает правовые коллизии и существенно осложняет проведение судебных лингвистических экспертиз. К терминам такого рода относятся слова *оскорбление* и *унижение*. В ст. 5.61 КоАП РФ (до 2012 года – ст. 130 УК РФ) оскорбление определяется как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. При этом понятие унижения, будучи по логике законодателя родовым по отношению к оскорблению, в законе не определяется.

Более того, анализируя тексты комментариев к УК РФ, легко заметить, что их авторы, комментируя ст. 282 УК РФ, не только по-разному интерпретируют понятие унижения, но зачастую и поясняют унижение через оскорбление: «...объективную сторону преступления могут составлять действия, состоящие в унижении² достоинства отдельного лица или группы лиц по любому признаку из числа названных выше. Это может проявиться в пропаганде превосходства либо, наоборот, неполноценности граждан, а также в оскорблении человека по признакам его пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принад-

¹ В случае привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

² Здесь и далее, если это не оговорено особо, нижнее подчеркивание в цитируемых документах и примерах принадлежит авторам статьи.

лежности к какой-либо социальной группе» [3, с. 727].

При проведении экспертизы лингвист опирается на терминологическое (юридическое) понимание унижения и оскорбления, а также устанавливает наличие лингвистических признаков унижения чести и достоинства лица и лингвистических признаков неприличной формы подачи информации (при выявлении в тексте признаков оскорбления). Например, в методике проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, подготовленной в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, утверждается, что в основу экспертных лингвистических понятий должны быть положены правовые дефиниции «оскорбления» и «неприличной формы» и установлена их корреляция с лингвистическими понятиями [4]. Соответственно предметом экспертизы высказываний (текстов) по делам об оскорблении, согласно данной методике, является установление лингвистических признаков унижения и неприличной формы выражения.

Между тем очевидно, что юридическое понимание и унижения, и оскорбления существенно отличается от бытового. По семантике и по употреблению в дискурсе слова *оскорбление* и *унижение* (и соответствующие глаголы, а также другие формы того же словообразовательного гнезда) в современном русском языке не находятся в отношении 'род-вид'. В естественном языке данными лексемами можно охарактеризовать гораздо более широкий круг ситуаций. Так, оскорблением с наивной, бытовой точки зрения можно назвать как использование слов и выражений, имеющих неприличную форму, так и случаи, когда демонстрируется вызывающий жест, производится непристойное действие, когда игнорируются очевидные моральные нормы, что проявляется в поведении других людей. Сравним соответствующие примеры.

(1) *Главная режиссерская находка, адекватная памфлетному содержанию, – это оскорбительный средний палец, проще говоря fusk, показанный Иваном Павловичем залу в конце спектакля* {Шмелева Е. Средний палец Михаила Угарова}³.

(2) *Принц Гарри находит забавным тот факт, что оскароносная Хелен Миррен однажды исполнила роль его бабушки Елиза-*

веты II в фильме «Королева», а потому он не упускает возможности пошутить по этому поводу. Последняя шутка внука королевы оказалась оскорбительной для Миррен. <...> Принц Гарри и его беременная супруга Меган Маркл были одними из гостей мероприятия. Увидев Миррен, принц Гарри воскликнул: «А вот и бабушка здесь!». «Это было крайне оскорбительно. Нет, серьезно!», – призналась актриса в эфире передачи «Good Morning Britain» {новостной интернет-сайт}.

(3) *Неадекватное поведение Саакашвили на встрече с Маккейном оскорбило американского сенатора. Губернатор Одесской области, неожиданно потеряв интерес к выступлению иностранного коллеги, начал играть с собакой сына* {новостной интернет-сайт}.

(4) *Должен ли муж защищать жену? <...> У нас за 17 лет брака такого не было ни разу, причем в самых разных ситуациях, от сугубо бытовых до суперсерьезных. Например, сосед выбрасывает мусор под наши окна, я делаю ему замечание, он злобно ругается и замахивается на меня, муж стоит рядом и просто смотрит, чем дело кончится. Партнер мужа заказывает мне большой перевод, который я делаю с грудным ребенком на руках, а потом не платит, издевательски добавляя «это бизнес, деточка». Муж имеет на него рычаги влияния (сам потом признавался), но боится использовать. И так во всем... <...> Комментарий: Юридически, конечно, не должен, но они вообще-то муж и жена, и подобное поведение как минимум оскорбительно* {блоговая коммуникация Рунета}.

Таким образом, если в юридическом понимании оскорбление – это вид унижения, характеризующийся наличием «неприличной формы» (понятия унижения и оскорбления находятся в родовидовых отношениях), то в языке все обстоит гораздо сложнее. Смешиваются данные категории и в некоторых лингвистических источниках. Так, анализ словарных статей показывает, что «унижение» и «оскорбление» часто рассматриваются составителями словарей как синонимы, четкой дифференциации между этими понятиями не проводится, и они толкуются одно через другое, образуя «логический круг». См., например, следующие словарные дефиниции.

Оскорбить – кого-что и с прид. (чем). Крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить в ком-л. какие-л. чувства [5, с. 729].

Унизить – кого-что. Задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поста-

³ Здесь и далее в фигурных скобках приведены ссылки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). <http://www.ruscorpora.ru/new/>

вить в унизительное положение кого-л. [5, с. 1389].

Оскорбить – крайне обидеть, унизить кого-л., уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства [6, с. 647].

Унизить – задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поставить в унизительное положение [7, с. 498].

Оскорбить – кого (что). Тяжело обидеть, унизить [8, с. 462].

Унизить – кого (что). Оскорбить чье-н. достоинство, самолюбие [8, с. 834].

Как мы видим, в трех авторитетных толковых словарях русского языка дефиниция лексемы *оскорбить* содержит глагол *унизить*, и наоборот – глагол *унизить* толкуют через отсылку к глаголу *оскорбить*.

Оскорбление и унижение как языковые феномены

Действительно ли слова *оскорбление* и *унижение* (и их производные) являются синонимами в естественном языке или между ними существуют семантические различия? Является ли семантика глагола *унизить* более общей, составляют ли они с *оскорбить* родовидовую пару? Если различия между *унизить* и *оскорбить* имеются, то в чем они состоят? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к контекстам употребления указанных лексем в текстах, относящихся к разговорному, художественному и публицистическому стилям. Материалом для анализа послужили примеры, в которых носители языка в явном виде – в качестве метатекстового комментария⁴ – квалифицируют соответствующее речевое действие как оскорбление и/или унижение. Всего было проанализировано около 500 контекстов объемом от одного предложения до небольшого текстового фрагмента, взятых из НКРЯ, интернет-библиотеки google.books.ru, коммуникации в Рунете, представленной в блогах, на форумах и в социальных сетях, с новостных интернет-сайтов. Примеры из НКРЯ не отбирались случайным образом, а проверялись методом сплошной выборки.

Семантический анализ примеров позволяет выделить следующие случаи, характеризующие соотношение семантики слов *оскорблять*, *унижать* и их производных (*унижение/оскорбление*, *унизительный/оскорбительный* и др.).

Контексты взаимозамены. В первом типе контекстов слова *оскорблять* и *унижать* (и соответствующие производные) взаимозаменяемы и могут рассматриваться как квазисинонимы, то есть слова, близкие по значению. Иными словами, несмотря на то что говорящий выбрал одно из этих слов, оно может быть заменено на другое без существенной потери или искажения смысла. Сравним следующие примеры.

(5) *Последний раз, когда я принесла им результаты анализов на тяжелые металлы и вирусы, я была уверена, что меня поймут и начнут как-то лечить ребенка, но все напрасно. Более того, меня унизили, сказав, что мне нужна психологическая помощь* {блоговая коммуникация Рунета}.

(6) *Артем стал чаще бывать на улице, на равных общался с парнями, которые благодаря случившемуся с братом зауважали его; он ходил с ними в ночной клуб, пил водку, иногда участвовал в драках, и мать, увидев на его лице синяк или коросту на губе, начинала рыдающе спрашивать: «Ну ты-то куда?! Ты-то?!» Это «ты-то» оскорбляло больше всего – в нем слышалось ненавистное Артему слово «недоделанный»* {Роман Сенчин. Елтышевы}.

В примерах (5) и (6) слова *унизить* и *оскорблять* легко заменяются на *оскорбить* и *унижать* соответственно: *Более того, меня оскорбили, сказав что мне нужна психологическая помощь. Это «ты-то» унижало больше всего.* При такой замене ощутимой модификации семантики не происходит. При этом автор текста может употреблять соответствующие глаголы в ряду однородных членов, не акцентируя внимания на семантических различиях:

(7) *После вежливого, интеллигентного и благородного Г.В. Александрова мне казалось, что я попал в чистилище или даже сразу в ад... За что? Почему? Пырьев унижал и оскорблял людей независимо от их возраста и положения. Самого старого киноактера он называл не иначе как «Полкан», за его преданность и покорность* {Владлен Давыдов. Театр моей мечты}.

Контексты невозможности взаимозамены. Во втором типе контекстов такая замена приводит либо к изменению смысла, либо к семантической аномальности высказывания. Укажем те признаки ситуаций оскорбления и унижения, которые могут вызывать подобные эффекты.

⁴ Понятие «метатекст» в лингвистике стало активно использоваться после публикации работы А. Вежицкой «Метатекст в тексте» [9].

Агентивные контексты. Оскорбление всегда агентивно и предполагает наличие агенса – того, кто оскорбляет.

(8) *Грязный туалет и отсутствие такового унижает человека, а униженный человек не может чувствовать себя по-настоящему свободным* {Цуркан В. Как адвокат в суде...}

Этот пример вполне нормален и грамматически и семантически, однако сказать *грязный туалет ??оскорбляет⁵ человека* – не очень хорошо. При этом появление агенса превращает соответствующие примеры во вполне приемлемые для обоих исследуемых слов: *отказав в приеме, директор оскорбил и унижил меня*. Источником унижения (его причиной) может быть что-то абстрактное и несубъектное: *бедность/нищета/отсутствие перспектив унижает*, но источником оскорбления это быть не может: **бедность/*нищета/*отсутствие перспектив оскорбляет⁶*.

Контексты рефлексива. Оскорбление не может быть направлено на самого субъекта (агенса) оскорбления, в отличие от унижения: фраза **этим он сам себя оскорбил* некорректна, а выражение *этим он сам себя унижил* – вполне допустимо. В силу этого фраза в следующем примере предполагает однозначную интерпретацию: начальник – субъект оскорбления, он оскорбляет подчиненных:

(9) *Оскорбительное поведение начальника вызывает напряженность в семейных отношениях* {Аргументы и факты}

Замена номинализации *оскорбительное поведение* на *унизительное поведение* привела бы к изменению смысла: начальник сам унижается. Ср. характерный пример.

(10) *Особенно этим отличались прибалтийские «президенты» и «правительства», занимавшие патологически антирусскую позицию, но по-холопски традиционно готовые целовать русскую руку в обмен на материальные ценности (в своем кругу рас-*

ценивая это унижительное поведение как тонкую дипломатию) {Платонов О. Бог в правде! Время разрушать мифы!}.

Здесь автор расценивает поведение прибалтийских президентов и правительств как унижительное в том смысле, что они тем самым унижают себя. Замена в данном примере прилагательного *унизительный* на *оскорбительный* внесла бы в него семантическую несогласованность. Действительно, фраза *в своем кругу расценивая это оскорбительное поведение как тонкую дипломатию* указывает на то, что, занимая антирусскую позицию и по-холопски целуя русскую руку в обмен на материальные ценности, прибалтийские президенты и правительства оскорбляли Россию, что явно противоречит смыслу контекста.

Контексты вербального и невербального действия. Оскорбление теснее связано с речевой формой выражения смысла. Между тем унижить можно и словом, и невербальными средствами. Так, речевой отказ естественно интерпретируется и как оскорбление, и как унижение: *Отказ в помощи пенсионеру оскорбителен/унизителен*, а невербальное действие можно квалифицировать только как унижение:

(11) *Опоздав на встречу с правозащитниками почти на час, министр унижил/??оскорбил членов Совета по правам человека* {новостной интернет-сайт}.

(12) *Просто он зарвавшийся подонки, у которого нет никаких границ. Унизить/??оскорбить взглядом своим тоже хочет* [Соболева У. Бумажные крылья].

Впрочем, чем конвенциональнее невербальный знак, например жест, тем больше его «потенциал» оскорбления. Ср. вполне приемлемую фразу: *обвиняемый вел себя оскорбительно, показав средний палец судье*.

Контексты угрозы «социальному лицу» (face threat). Часто в литературе унижение связывается с понижением социального статуса. Однако социальный статус – это категория, почти неподвластная языку. Назвав судью *земляным червяком*, говорящий не в состоянии лишить его социального статуса судьи или даже сделать адресата судьей «в меньшей степени». В то же время такая номинация в зале судебного заседания представляет угрозу образу судьи в общественном мнении, то есть тому, что часто называется имиджем человека.

⁵ Здесь и далее в нотации используются обозначения «??» и «*» в качестве надстрочных знаков, которые указывают на семантическую некорректность предложения, то есть на нарушение тех или иных семантических законов и предпочтений в различной степени, первый знак маркирует просто неудачные фразы, а второй – примеры, которые неприемлемы с точки зрения литературной нормы.

⁶ Хотя частота встречаемости контекстов в системах Яндекс и Google не может рассматриваться как надежный источник информации, тем не менее показательно, что частота словосочетания *бедность оскорбляет* по данным Google.ru составляет 39 вхождений, а словосочетания *бедность унижает* – 857 вхождений (по данным на январь 2020 г.). Различие по частоте более чем в 20 раз.

При этом имидж – это категория, относящаяся к сфере PR (связям с общественностью). Мы предлагаем использовать в этих случаях термин «социальное лицо» как аналог английского термина *face*, бытующего в области социологии и социальной психологии [10].

Унижение всегда сопряжено с угрозой социальному лицу адресата. В примере: *В нашей традиции здравоохранения больному не принято что-то объяснять: нахамят и унизят по принципу «ты дура, а я врач»*, речь идет не о понижении социального статуса, а о рисках пациента потерять уважение со стороны социума.

Для оскорбления угроза общественному лицу не обязательна, хотя возможна. См. пример: *Вы даже не представляете, как оскорбили меня, сказав, что это «просто Любин бизнес». Это то же самое, если бы Вам сказали, что Вы плохая мать и Вам абсолютно безразличен ваш ребенок. Вы не имеете право так говорить. Я живу своим лагерем уже 5 лет {коммуникация Рунета}*. Фраза *просто Любин бизнес* интерпретируется адресатом как оскорбление, однако это никак не влияет на социальный статус автора реплики-реакции – даже в очень широком понимании этого термина; в рассматриваемом случае не затрагивает это и социальное лицо, хотя ощутимо влияет на самооценку адресата.

Сила речевого действия. Унижение и оскорбление отличаются друг от друга также тем, что оскорбление, как правило, представляет собой более сильную (жесткую) форму речевого действия и воздействия, чем унижение, – в том смысле, что унижать можно более «тонко». Вероятно, с этим семантическим различием связано и юридическое истолкование оскорбления как унижения, имеющего «неприличную форму». Так, уместно выглядит следующий фрагмент: *Оппонент, высокоученый профессор с окладистой бородой, сначала расхвалил работу, а потом унизил Лизавету одной фразой: «Автор предлагает довольно любопытную концепцию, позволяющую взглянуть на историю не снизу вверх – от политики к идеологии, а наоборот; этот метод в некоторых случаях может принести определенные плоды, но сразу видно, что статью писала женщина, придающая слишком много значения мелочам»*. Замена глагола *унизить* на *оскорбить* – *оскорбил Лизавету одной лишь фразой* – в данном случае не

вполне удачна, поскольку в контексте предполагается сравнительно слабый вариант речевого действия.

Речевая стратегия vs речевое действие. В обычном случае оскорбление – это одиночный речевой акт, а унижение – речевая стратегия, которая может быть как одинарным, так и сложным речевым (и не только речевым) актом. В связи с этим словосочетание *постоянные оскорбления* (множественное число) – это, скорее, последовательность речевых актов, а *постоянное унижение* – стратегия.

(13) *Про тяжелую судьбу на чужбине рассказал нападающий «Фейеноорда» Робин ван Перси. «В Англии я терпел постоянные оскорбления и издевательства. На каждом выездном матче слышал оскорбительные кричалки в свой адрес. Чувствовал негатив на протяжении всех 11 лет, проведенных в Англии...» {спортивный интернет-сайт}*.

(14) *24-летняя Валерия решила публично заявить, что командир принуждал ее к интиму. Постоянное унижение, грязные намеки и психологическое насилие она терпела почти год. «Говорил, что я должна делать ему хорошо, удовлетворять его в интимном плане. Пытался меня обнять, прижать к себе. За ногу погладить. За руки взять» {новостной интернет-сайт}*.

Отметим еще несколько особенностей, касающихся словоупотребления рассматриваемых форм. Возвратные глаголы *оскорбиться* и *унизиться* имеют совершенно разную семантику: *оскорбиться* – это проинтерпретировать что-то как оскорбление, «почувствовать себя оскорбленным, обидеться» [5, с. 1389], а *унизиться* – совершить действие, которое унижает, «поставить себя в унижительное положение» [там же]. Соответственно *унизиться* часто употребляется с придаточным предложением, раскрывающим суть этого «унижительного действия»:

(15) *Вот тут я унизился до того, что не вмазал ему по рылу за такую в высшей степени оскорбительную фразу, а покорно попросил еще раз: – Может быть, ему это не покажется такими уж бреднями. Попробуй, Рэксих, а?.. {Кунин В. Кыся}*.

(16) *Чтобы я унизилась до того, чтобы принять милость от сына ненавистной мне туркменки Ай-Джиджек? {Ян В. Чингиз-хан}*.

Замены *«Вот тут я ??оскорбился до того, что не вмазал ему по рылу за такую в высшей степени оскорбительную фразу»* и *«Что-*

бы я ??оскорбилась до того, чтобы принять милость от сына ненавистной мне туркменки Ай-Джиджек?» приводят к семантической аномальности высказываний.

Замена не допускается и в ряде устойчивых оборотов, ср. (17), (18):

(17) *Подумав немного, убежденно ответил: – Не бабье это дело! Пулемет – это вам не швейная машинка, барышня. Сарру этот ответ оскорбил до глубины души* {Островский Н. Рожденные бурей}.

(18) *Однажды дело дошло до того, что г. Н. оскорбил словом г-жу Б., тогда г-жа Р. вступилась за оскорбленную и ударила по лицу г. Н., а тот вернул даме заушение...* {Митрополит Евлогий (Георгиевский), Манухина Т. (литературная запись). Путь моей жизни}.

По всей видимости, это может быть объяснено теми семантическими признаками оскорбления и унижения, о которых говорилось выше: оскорбление – это более сильная и чаще словесная форма (поэтому недопустимо ??унизил до глубины души и ??унизил словом соответственно).

Отдельно следует сказать об употреблении словосочетаний *оскорбительный жест* и *унизительный жест*. Они оба встречаются в речи, однако первое чаще (по состоянию на январь 2020 г.: в Яндексe соответственно 3000 и 2000 результатов, в Google – 33800 и 1280). Вероятно, это связано с «одномоментностью», более характерной для речевого акта оскорбления, и его большей жесткостью, о чем говорилось выше. Жест – подходящее средство для одномоментного коммуникативного воздействия (коммуникативного «удара») и передачи невербального ругательства.

Смещение языка и категорий права

Согласно гипотезе лингвистической отнесенности, известной также под названием «гипотеза Сепира-Уорфа», язык непосредственно воздействует на сознание носителя языка и определяет восприятие действительности [11]. В нашем случае воздействие языка и языковая категоризация мира обнаруживается не в другом языке, а в другом «подъязыке» – в дискурсе права. Судебная практика предоставляет множество примеров того, как категория оскорбления, имеющая правовое определение как «унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме», понимается судами в чисто языковом, наивном смысле, причем часто просто как унижение.

Один из прецедентов такого рода – дело «Арьян против Киркорова» – подробно обсуждается в монографии одного из авторов данной статьи [12]. Основная коллизия состоявшегося тогда весьма бурного обсуждения пресс-конференции Ф.Б. Киркорова заключалась в противоречии между правовым пониманием оскорбления в ст. 130 УК РФ (в настоящее время не действующей) и наивным феноменом оскорбления, отраженным в лексической семантике слов *оскорблять* и *оскорбление*.

Сложности в судебной практике по делам об оскорблении встречались и ранее. Так, в известном в свое время деле журналиста В.Ю. Поэгли, назвавшего министра обороны П.С. Грачева *вором*, пресненской межмуниципальный суд ЦАО г. Москвы в решении от 27.10.1995 признал журналиста виновным по ст. 131 (ч. 2) УК РСФСР «Оскорбление», проигнорировав саму форму слова *вор*, которое ни в одном из словарей современного русского языка не отнесено к неприличным или обсценным (проще говоря – к матерной брани). Более того, оно не квалифицируется с точки зрения стилистических характеристик даже как грубое или бранное [5, с. 149; 13, с. 211]. Потребовалось участие Г.М. Резника в защите В.Ю. Поэгли, чтобы решение суда было в конце концов отменено вышестоящей инстанцией [14].

Совсем уж вопиющий случай – отнесение к оскорблению словосочетания *присвоение ценностей*. Бухгалтер-ревизор К. была осуждена приговором Хатангского районного народного суда за оскорбление⁷. В процессе ревизии она выявила недостачу у заведующей магазином, которой сказала, что у нее есть основания считать недостающую по подотчету сумму присвоением ценностей. Приговор отменила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 30.06.1963. Судебная коллегия констатировала, что спорное словосочетание не является неприличным и в силу этого не может рассматриваться как оскорбление.

Судебная практика последнего времени показывает, что оскорбление в наивном понимании, то есть как унижение чести и достоинства, не связанное с формой выражения смысла, де-факто проникает из КоАП в Гражданский кодекс РФ. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2016

⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 1. С. 7–8.

№ 309-ЭС16-10730 по делу № А07-12906/2015⁸ признается оскорбительным факт публикации негативной информации о деловой репутации истца в сети Интернет, сообщаемой в следующих высказываниях:

(19) «*Реальная стоимость работ занижена..., является изначально демпинговой*».

(20) «*Подобная конкурсная документация свидетельствует либо о полной некомпетентности ее составителей, либо о наличии коррупционной составляющей в виде договоренности с потенциальными исполнителями*».

(21) «*Не станьте пешкой в руках мошенников!*».

(22) «*...Выставляет на конкурс тендер с незаконными практическими условиями, нашелся археолог (опустим его фамилию), который за откат берет это на себя*».

В Определении Судебной коллегии отмечается, что «...информация, указывающая на противоправный характер поведения субъекта, носит оскорбительный характер». Это дает основания для заявления требования о защите деловой репутации. Иными словами, правоприменитель исходит не из формы выражения смысла, что диктуется существующей правовой дефиницией, а из содержания, налагая ограничения на содержание, смысл передаваемых сведений. Но именно такое понимание свойственно оскорблению и унижению в обыденном сознании носителей языка. При этом **правовые ограничения не на форму выражения смысла, а на содержание противоречат ст. 29 Конституции РФ**. Действительно, любая форма сообщения информации о нарушении кем-либо закона

будет с этой точки зрения оскорбительной, даже если она сообщается в форме предположения, мнения, оценочного суждения и т. п.

В рассматриваемых случаях следовало бы ожидать, что правоприменитель – во всех рассмотренных примерах суд первой инстанции – использовал бы правовое определение оскорбления как унижения чести и достоинства в неприличной форме, однако де-факто суд ориентировался исключительно на понятие унижения в самом широком смысле, свойственном языковому сознанию обычного гражданина, и фактически отождествлял оскорбление с унижением.

Заключение

Правовое определение унижения и оскорбления пересекается с наивным пониманием данных феноменов, но не тождественно ему. В свою очередь анализ языковых и речевых данных показывает, что категории унижения и оскорбления также обнаруживают пересечения друг с другом и в ряде случаев могут выступать как синонимы, но вместе с тем имеют и существенные семантические отличия. Несогласованность между правовым и наивным пониманием оскорбления и унижения приводит к коллизиям в правовой интерпретации соответствующих судебных кейсов.

Во избежание возникновения подобных коллизий в экспертной и, соответственно, судебной практике по делам об унижении достоинства и оскорблении необходимо, чтобы оба данных понятия (а не только оскорбление) получили определение в законе. При этом важно, чтобы данные определения не входили в существенные противоречия с употреблением соответствующих слов в речевой практике носителей языка.

⁸ Сайт правовой документации РФ.

<http://legallacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16122016-n-309-es16-10730-po-delu-na07-129062015/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Резник Г.М., Скловский К.И. Честь. Достоинство. Деловая репутация. Споры с участием СМИ. М.: Статут, 2006. 269 с.
2. Защита Родины от Родины. Дело «Резник против Российской Федерации» в Европейском суде. М.: ЛУМ, 2015. 317 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 944 с.
4. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. Научно-ин-

REFERENCES

1. Reznik G.M., Sklovskii K.I. *Honor. Dignity. Business Reputation. Disputes Involving the Media*. Moscow: Statut, 2006. 269 p. (In Russ.)
2. *Protection of Homeland from the Homeland. The Case "Reznik against the Russian Federation" in the European Court*. Moscow: LUM, 2015. 317 p. (In Russ.)
3. Rarog A.I. (ed.). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. 12th ed. Moscow: Prospekt, 2019. 944 p. (In Russ.)
4. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Forensic Linguistic Expertise in Cases Involving Insult. Scientific and Informational Handbook*

- формационное пособие для экспертов. М.: РФЦСЭ, 2016. 90 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. II. К–О. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
7. Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. IV. С–Я. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
9. Вежбицка А. Метатекст в тексте / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
10. Goffman E. On face-work. In: Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Anchor Books, 1967. P. 5–45.
11. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Иностранная литература, 1960. 464 с.
12. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теория и практика. 7-е изд. М.: Флинта, 2020. 592 с.
13. Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I. А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
14. Резник Г.М. Защитительная речь адвоката Резника Генри Марковича по уголовному делу Вадима Поэгли / Резник Г.М. Сборник статей / Под ред. С.И. Володиной. М.: Информ-Право, 2008. С. 31–52.
- for Experts. Moscow: RFCFS, 2016. 90 p. (In Russ.)
5. Kuznetsov S.A. (ed). *Big Glossary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 2000. 1536 p. (In Russ.)
6. Evgen'eva A.P. (ed). *Dictionary of the Russian Language in Four Volumes*. 3rd ed. Vol. II. K–O. Moscow: Russian Language, 1986. 736 p. (In Russ.)
7. Evgen'eva A.P. (ed). *Dictionary of the Russian Language in Four Volumes*. 3rd ed. Vol. IV. S–Ya. Moscow: Russian Language, 1988. 800 p. (In Russ.)
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Glossary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow: A TEMP, 2006. 944 p. (In Russ.)
9. Wierzbicka A. Metatext in a Text. *The New in Foreign Linguistics. Issue VIII: Linguistics of Text*. Moscow: Progress, 1978. P. 402–421. (In Russ.)
10. Goffman E. On face-work. In: Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Anchor Books, 1967. P. 5–45.
11. Zvegintsev V.A. Theoretic and Linguistic Preconditions for the Hypothesis of Sapir-Whorf. *The New in Linguistics. Issue I*. Moscow: Foreign Literature, 1960. 464 p. (In Russ.)
12. Baranov A.N. *Linguistic Analysis of a Text. Theory and Practice*. 7th ed. Moscow: Flinta, 2020. 592 p. (In Russ.)
13. Evgen'eva A.P. (ed). *Dictionary of the Russian Language in Four Volumes*. Vol. I. A–I. Moscow: Russian Language, 1985. 696 p. (In Russ.)
14. Reznik G.M. Defensive Speech of Advocate Reznik Genry Markovich in the Criminal Case of Vadim Poegley. In: Reznik G.M. *Collected Papers* / S.I. Volodina (ed.). Moscow: Inform-Pravo, 2008. P. 31–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Анатолий Николаевич – д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук;
e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com
Ерохина Людмила Алексеевна – аспирант Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук;
e-mail: 89036284395@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Baranov Anatolii Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: baranov_anatoly@hotmail.com
Erokhina Lyudmila Alekseevna – postgraduate student of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: 89036284395@mail.ru

Статья поступила: 11.01.2020
После доработки: 25.01.2020
Принята к печати: 10.02.2020

Received: January 11, 2020
Revised: January 25, 2019
Accepted: February 10, 2020